

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т Е З И С Ы

**I ВСЕСОЮЗНОЙ (III) КОНФЕРЕНЦИИ
„ТВОРЧЕСТВО А.А.БЛОКА И РУССКАЯ
КУЛЬТУРА XX ВЕКА“**

ТАРТУ 1975

БЛОК И ЖУКОВСКИЙ: К ПРОБЛЕМЕ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ

В. Н. Т о п о р о в

Факт особого влияния Жуковского на творчество Блока за-
свидетельствован самим Блоком и прямо и косвенно¹. Андрей
Белый неоднократно писал о культе Жуковского в связи с по-
колением "бабушек", в частности, в семейном кругу Блока.
Он же подчеркивал, что и ранний Блок воспринимался неред-
ко в духе традиций Жуковского: " Может быть, они <"отцы" -
В.Т.> воспринимали его <Блока - В.Т.> сквозь призму для
них еще близкого Жуковского, связанного с их молодостью"
("Зап. мечтат." № 6, 1922, с. 53); "Я заметил, что Блок
возбуждал очень нежные чувства: у дедов и бабушек, вняв-
ших Жуковскому и метафизике Шеллинга... вслух восхищать-
ся; другая старушка, Карелина, Софья Григорьевна <...>,"

¹ Ср. в анкетах и автобиографии: "Какие писатели оказали
наибольшее влияние... Жуковский, *Владимир Соловьев*, Фет"
(VII, 436); "Первым вдохновителем моим был Жуковский. С
раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня ли-
рические волны, еле связанные еще с чьим-либо именем..."
(VII, 12); ср. также VII, 429. Блок внимательно следил за
всей основной литературой о Жуковском (Плетнёв, Зейдлиц,
Загарин, Тихонравов, дневник Жуковского и его бумаги, из-
данные И.А. Бычковым, Остафьевский архив и др.), он был
автором двух рецензий на труды о Жуковском (Веселовский,
Козмин). Внимание к "живому", "реальному" Жуковскому, "лю-
бовь" к нему позволили Веселовскому "снять с Жуковского
венец обмана, который не только не возвышал, но скорее
затуманивал чистый лик поэта, схематизировал Жуковского,
идеализировал, отвлекал от жизни, "абстрагировал" (V, 570-
571). Личное отношение Блока к Жуковскому полнее всего
выражено в заключении: "Он был - лирик и отдавал "себя",
свою душу. Напрасно жаловаться, что между нами осталось
мало людей, знающих и понимающих Жуковского. Есть еще та-
кие, для которых его стихи звучат. Никогда "младость" не
перестанет "вздыхать о славе" и не предастся серой урав-
нительной пошлости. Мы не согласны, что от Жуковского ос-
талась только "правда настроения". Жуковский подарил нас
мечтой, действительно прошедшей "сквозь страду жизни" . От-
того он наш - родной, близкий. "Резвая радость" вместе с
"лебединым пращуром" задумалась об "Ewige Weiblichkeit"
(характерно само соотнесение через Жуковского с Гете). Из
других упоминаний Жуковского см.: VII, 29, 371, 400, 422,
425 (ср. также III, 452; V, 101, 128).

погибающая над Жуковским , - та просто влюбилась в Блоков" (Начало века, с. 304); "... и каждый вечер сидели мы за чайным столом, журча о Жуковском , Ундиночке, дядюшке Струе; из-под самоварного крана вытрясывалась черная, кружевная накладка сутуловатой "бабуси", срывавшей звук золотой арфы <...> Ежедневные трио нарушались явлением <...> второй "бабушки", Софьи Григорьевны Карелиной, таявшей, как и мы, от Жуковского" (Между двух революций, с. 14)¹ . Более того, можно с уверенностью говорить, что для определенного культурного круга еще в нач. XX в. отмечено влияние поэзии Жуковского через голову Пушкина², во-первых, и восприятие раннесимволистской поэзии в связи с нормами поэтики Жуковского, во-вторых, ср.: "В марте-апреле 1903 года я знакомлюсь с Бальмонтом <...> в период, когда говорили мне: Гейне, Жуковск и й , Верлен, Метерлинк <...>: перепевные строчки Бальмонта будили " Эолову арфу" Жуковского; и - символизм в них прокладывал путь; они - синтез романтики с новыми веяниями <...> ; еще не расслышался весь эклектизм его ритмов: Верлен плюс Жуковский" (Начало века, с. 215).

Несмотря на все эти свидетельства, вопрос о влиянии Жуковского на поэзию Блока (в другой формулировке - пласт Жуковского в поэзии Блока) не только не решен конкретно, но практически даже не сформулирован и в общем виде, хотя в ряде работ Блок (особенно ранний) включается в линию Жуковский-Фет-Соловьев-символизм. Отчасти такое положение объясняется тем, что Блок чаще всего усваивал поэтические достижения Жуковского не непосредственно, а в том виде, какой они получили у Тютчева, Фета, Соловьева. Отчасти, видимо, приходится считаться и с тем, что многое в поэтике молодого Блока, обычно связываемое с раннесимволической поэтикой

¹ Ср.: и о Брюсове: "он мог быть шармером: старушек пленял, воркоча им под ухо баллады Жуковского" (Начало века, с. 237).

² Ср.: любопытное свидетельство В.А. Зоргенфрея ("Русская филология". Тарту, 1967, с. 116).

и, действительно, совпадающее с ней, на самом деле уходит своими корнями в лирику Жуковского (ряд тем, образов, ключевых слов и экспрессивных ореолов, относительно простых поэтических ходов и т.п.). Поэтому отделение непосредственных влияний от того, что прошло уже через обработку в другой традиции, было бы существенным вкладом в исследование всей этой темы. То же относится и к выделению конкретных примеров влияния Жуковского в поэзии Блока. При этом нужно помнить об особенностях творческой памяти Блока и принципах ее реализации - глубокая (в техническом смысле) переработка "чужих" образов вплоть до выведения их из исконной ритмической схемы и забвения их генеалогии. Вместе с тем, дело, конечно, не только в генеалогии поэтических и культурно-исторических форм. Не менее важно, что функционально и типологически и Жуковский, и Блок обнаруживают исключительное сродство: в преддверии "золотого" и "серебряного" века тот и другой решали общо (хотя и в разных условиях) задачу - новый, по сравнению с предшествующим периодом, синтез личного, биографического, индивидуального (внеположенного тексту) в поэтическом тексте, ориентированном на непрерывное (в отличие от дискретного), изменяющееся (процесс), имеющее отношение к переходам, оттенкам, к "музыкальному".

В этом сообщении предполагается остановиться на целом ряде реминисценций из Жуковского у Блока (ранее не отмеченных) с тем, чтобы выявить некоторые основные условия (признаки) заимствований и принципы их преобразования в тексте Блока.

Из сказанного выше следует, что среди сходжений Блока и Жуковского прежде всего выделяются те, которые относятся к общему - к уровню интонации, настроения, ритма, а не слов и конкретных образов. Последние чаще всего выступают как некие терминальные узлы, скрепы, принадлежащие к поверхностной структуре. Таково, например, отноше-

ние между *Прошедших* дней *немеркну-*
щим сияньем / <...> *тоскующим* ды-
ханьем / <...> *Воспоминаньем* *дальним* и
прекрасным (Блок, I, 46), с одной стороны, и *Прош-*
ли, прошли вы, дни *очарованья!* / <...>
Ваш след в одной *тоске* *воспомина-*
нья! / <...> *Несчастье* об *Вас* *воспоминанье!* /
<...> *Мне умереть* с *тоски* *воспоминанья!*
(Жуковский, "Воспоминание") и *Минувших* дней
очарованье, / *Зачем* *опять* *воскресло*
ты? / *Кто разбудил* *воспоминанье...* (Жуковский,
"Песня"), с другой стороны (учитывая и "Разочарование" Дель-
вига). Лишь на фоне общего приобретают достоверность такие
частности, как, например, общая форма зачина (даже если
она повторяется многократно и у других поэтов). Так, *Не*
призывай и *не сули...* (Блок, I, 47) и *Не* *уз-*
навай, *куда я путь склонила* (Жуковский, "Голос с то-
го света") поддержаны далеко идущим содержательным парал-
лелизмом - я, связанное с землею, и *ты*, связанное с
более высокой сферой, разъединены, но общение продолжается
(ср. *Призывный* *голос* *слышу ясно* / *душе понятен твой*
язык Блока при *Голос с того света* Жуковского или:
О милый, *здесь не будет безответно* / *Ничто, ничто...*
Жуковского). Однако, пессимистическая трактовка темы у Бло-
ка (*Но ты зовешь меня напрасно... / Не жди былого*
обаянья, / *В моей душе отражена* / *Обитель* *страха* и
молчанья...) полемически откликается на строки Жуковского
(*Без* *страха* *верь: обмана сердцу нет...* / *И знаю*
здесь, сколь ваш прекрасен свет. / *Друг, на земле*
великое не тщетно... / *Будь верен мне прекрасною душою!*
Сверши *один начатое вдвоем*). Стоит обратить внимание
на некоторые другие реминисценции из Жуковского в стихотво-
рениях из "Ante lucem". Так, стихотворение "Я стремлюсь к
роскошной воле..." (1, 9), снабженное эпиграфом из Жуковс-

кого (*Там один и был цветок, / Ароматный, несравненный...*), своим *Я* увидел - и сорву! в последнем стихе возвращает нас к отточию эпиграфа из Жуковского, за которым в тексте стихотворения Жуковского следует: *Я сорвать!* <...>но что же рок? (ср. до этого: *Полетел - забыл цветок; / Сорвана его лилея...*) В свете этого узлового образа объясняются и другие места в [I, 9], в совокупности напоминающие мозаику из "Певца", "Путешественника" и некоторых других стихотворений Жуковского. Ср.: *Колос клонит... / Путь далек - Путь казался не далек и Брег невидим и далек* (Жуковский);¹ *Я стремлюсь к роскошной воле - К востоку я стремлюсь душою* (Жуковский); *Есть одно лишь в океане / <...> Ты не видишь там, в тумане - Ах, в безвестном океане <...> / Даль попрежнему в тумане* (Жуковский) и мн. др. Примерно таково отношение "Лениво и тяжело плывут облака..." (I, 37) к "Весеннему чувству", отчасти "Горной дороге" Жуковского - ср. мотив тяжелой дороги к желанной цели, голос (песня)-путеводитель, облака и т.д. К этому же кругу следует отнести и "Медленно, тяжело и верно..." (I, 69) с концовкой (*Полному веры безмерной / К утру возможно дойти*), полемичной по отношению к завершающей строфе "Путешественника" (*И вовеки надо мною / Не сольется, как поднесь, / Небо светлое с землею... / Там не будет вечно здесь*)². Иногда пейзаж Блока номенклатурно предельно

¹ Ср. вариации: *Мой дух летит туда, к Востоку...* (Блок, I, 39) - *К востоку, все к востоку / Летит моя душа* (Жуковский).

² Кстати, оппозиция *здесь-там*, отраженная в исключительно характерных контекстах у Жуковского, который сделал ее одной из ведущих констант поэтической картины мира, была усвоена и Блоком (ср. "Нет, никогда моей..." - I, 164 и др.).

сближается с преромантическим пейзажем Жуковского (роща, холм, цветы, трава, тень, ручей, тема страдания, смерти). Ср. у Блока (1, 11): *Есть в дикой роще у оврага / Зеленый холм. Там вечно тень. / Вокруг ручья живая влага... / Цветы и травы покрывают / Зеленый холм... / Зачем источник не иссяк? / - Там, там, глубоко под корнями / Лежат страдания мои...* в связи с "Певцом" Жуковского: *В тени дерев, над чистыми водами / Дерновый холм вы видите ль, друзья? <...> / Здесь у ручья <...> / И скорбно все, в долине, на холмах <...> / Порою веют над могилой* (ср. также "Вечер", "Тоска по милом" и др.). Кстати, тема певца у Блока (ср.: *Хоть все по-прежнему певец / Далеких жизни песен странных* и т.д.), по крайней мере, в своих истоках связана с тою же темой у Жуковского, повлиявшей на русскую поэзию уже в пушкинское время¹. Переключки того же рода отмечаются и позже, ср.: *И душою безнадежней / Безотзывное найдёшь* (Блок, II, 214) при: *Там в нетленности небесной / Все земное обретешь* (Жуковский, "Путешественник") и др. В некоторых случаях речь идет не об усвоении Блоком тех или иных поэтических ходов Жуковского, а об ориентированности на схемы Жуковского в пределах целого стихотворения. Подробнее будут рассмотрены два примера - "Ночь на Новый Год" (Блок, I, 154) в связи со "Светланой" Жуковского (с учетом 5-ой песни "Евгения Онегина": *Как ваше имя? Пушкина - ваше имя?* Блока и др.), где переключки явны и сознательны (Светлана, луна, туман, снег, шепот, ворота и т. п.), и "По улицам метель метет..." (Блок, II, 277) в связи

¹ "Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу" (перев. из Байрона), также становятся в ряд, начатый переводом греевского "Сельского кладбища".

с "Рыбаком" Жуковского (перевод из Гете). Содержательная схема этих дата стихотворений фактически одна и та же - голос из водного царства манит героя, соблазняя его прелестями своей стихии. Структуры, определяемые соотношением грамматических лиц, достаточно схожи (2-ое - в обращении голоса из воды к герою, 3-е - голос из воды, 1-ое - герой, имплицитно у Жуковского, эксплицитно у Блока). Этим объясняются и другие грамматические сходства (в частности, в распределении глагольных форм). Даже ритмические схемы при всем их различии подчеркивают общее - ямбический 8-сложник в нечетных стихах, отмеченность четных стихов (где предусматривается, лишь 3 ударения) и др. Определяющим для обоих стихотворений является второе четверостишие (завязка действия, сразу после экспозиции):

Ведет - и вижу: глубина, Глядит она, поет она:
Гранитом темным сжатая. "Зачем ты мой народ
Течет она, поет она. Манишь, влечешь с родного дна,
Зовет она, проклятая. В кипучий жар из вод?"

другие строфы, обнаруживая многочисленные схождения, развивают далее мифологему воды. Если у Жуковского в "Рыбаке" вода противопоставлена огню, то у Блока эта тема полнее всего реализуется в цикле "Заклятие огнем и мраком" (с ассоциациями с "Рыбаком" и в записи (ЗК,400): "Огонь" революции (?) сушит во мне "воду" гетевских сирен ("Ohne Wasser ist kein Heil")), что предполагает сознательную отсылку к этой теме во 2-ой части "Фауста" (в другом месте см. о роли Жуковского в рецепции Блоком Гете). Вместе с тем, количество и характер схождений между "По улицам..." и "Рыбаком" исключают предположение о сознательном транспонировании всех этих элементов баллады в текст Блока. Именно сочетанием сознаваемых и неосознаваемых, прямых и вторичных реминисценций определяется характер усвоения Блоком уроков Жуковского.